

**Павлина Людмила Сергеевна, 1930 г.р., с. Большая Лука Вяземский район
Пензенская область.
В Крыму с 1957 года.
Интервью записано 9.08.2006 в пгт Красногвардейское АРКрым.**

Интервьюеры: *Спирина Ирина и Столетняя Марина*

О.: Павлина Людмила Сергеевна

В.: А с какого года Вы рождения?

О.: 1 января 1930 года (тысяча девятьсот тридцатого года)

В.: А где Вы родились?

О.: Село Большая Лука, Вяземский район, Пензенская область.

В.: А в Крым, в каком году приехали?

О.: В пятьдесят седьмом году.

В.: Все детство, можно сказать, в России прошло?

О.: Да, детство, можно сказать, юность до пятьдесят седьмого года прошла в России. В России я закончила среднюю школу, закончила, м-а-а, педагогическое училище. Работала после окончания школы сразу старшей пионервожатой, потом старшей пионервожатой детского дома. Три детских дома огромных было на территории нашего района, м-м-м, и все дети были, это, м-м. дети сироты, м-м, вот появившиеся во время Великой Отечественной войны, их возили со всех, как говорится, республик и так далее и вот они у нас были, вот я там работала старшей пионервожатой.

В.: А сколько Вам было лет, когда война началась?

О.: Ну, на сорок первый год – одиннадцать лет – началась война.

В.: Одиннадцать лет. А вы помните, как это было.

О.: Ой, конечно, помню. Я вам рассказывала, что мы жили на территории МТС, м-м, и там, м-м, заготзерно тоже было рядом, все. И о войне в доме никогда никто не говорил. И в школе никто никогда не говорил. И когда стали, вот идти, от начала от МТС машины и на машинах сидели, м-м, люди, в основном, мужчины, м-м. И играл на первой машине духовой оркестр, и колонной шли, тогда были полуторки, и ЗИСы, вот полуторки впереди, а ЗИСы более такие, а-а, более грузоподъемные, значит, вторая колонна, и вот играет духовой оркестр, и значит, машины потихоньку едут, а сзади идут жены, дети, ревут, а мы с мамой стоим. Я говорю: «мама, а что это такое?», она говорит: «Началась война». А я спрашиваю: «Мама, а что такое война?». Вот она говорит: «Что есть такой Гитлер, который в Германии, которые напали, значит на Советский Союз и...». Я говорю: «А что папа не идет?» Она заплакала: «Пока, повестки не было, пока вот он, это самое все». Вот так, как говорится, м-м, в первый день войны пошел, пошли, как говорится, с нашего села с территории МТС. А потом в школе начали мне завидовать, вот отца взяли на фронт, а ваш отец дома, м, а я приходила, и плакала, а че отец не пошел на войну. А я не понимала, что это такое, а потом пришел сентябрь месяц, конец сентября месяца, и тут прислали, не прислали, а, м-м, приехал такой, м-м, на лошади, а-а, постовой и привез ему повестку. Ну, он позвонил, как быть с зерном, ему сказали, это оставьте ключи жене, приедем, разберемся, а сам должен прибыть. Вот так вот мы его проводили, проводили мы его, м-м, не на машине. А уже несколько человек из нашего села тоже в этот день уходили, на лошади дрожки. Вот они сели, значить, мамам посадила, посадили и там других посадили, там несколько наших... Они выехали за околицу села, все, как говорится, слезли с этих,... в том числе и я и... только у нас, э-э, не было Шуры, а Ниночка родилась уже после, э, того, как отца взяли на фронт. Попрошались, рев был, конечно, и они поехали дальше, мы вернулись все домой.

В.: А кого еще с отцом забрали? Они тоже были с начала оставлены?

О.: Да, там же МТС, МТС нельзя было бросить, потому что, а-а. Надо было ремонтировать оставшиеся машины. Тем более раньше МТСы обслуживали полностью колхозы и совхозы, без этого никак нельзя было. И причем, район он же, вот, недалеко, 500 км (пятьсот километров) от Москвы, Пока вот еще это, а несколько километров, где-то десять метров (?) был военный завод, такой Селиксе. Там готовили и технику постепенно потом. Уже, когда я уже стала взрослой, понимать, технику для ремонта присылали вот в эту МТС и делали, но постепенно молодежь, вот, школьники, которые были постарше они вот приходили, бросали школу, приходили в МТС, уже значились и ремонтировали машины, и новые когда машины, их тоже готовили на фронт, а старики постепенно, как говорится, все уходили на фронт. Вот отец мой с тысяча девятьсот третьего года.

В.: Как его звали?

О.: Сергей Яковлевич.

В.: А маму?

О.: А маму, Наталья Алексеевна. И мама, и папа с тысяча девятьсот третьего года. Все-таки возраст подходящий, и все-таки возраст подходящий, им тридцать семь лет. Тридцать семь лет мама осталась, нас было пять человек детей, а Инна родилась второго, девятого, седьмого мая сорок второго года, то есть она осталась в положении, когда отца взяли на фронт. И Инна родилась без отца и, что характерно, отца убили в декабре месяце, вот в боях за Москву. В этот день мы получили посылку от отца и в этот день получили похоронку. А посылку когда распечатали – это его костюм, в котором он ходил на работу, с надеждой, вернее уходил на фронт, с надеждой, что он приедет, и будет носить. Несмотря на то, что все-таки перед войной какие-то слабые экономические условия такие были, это сейчас же шикарничество (?) славица (?), а тогда, но он всегда ходил, отец, чисто одетый был. Я как сейчас его помню, он такой высокий, волосы, чуб у него такой черный, полный, и ходил в костюме, ну такой вот солидный, вот такой, вот этот костюм ему жалко было и где-то там выбросить и так далее и вот он сложил в посылку и отослал домой. Вот это мы запомнили на всю жизнь. А потом этот костюм мама подарила, его брата тетя Тася, а у него, у нее, у тять Таси – брат, он сам с Белоруссии и Белоруссия когда освободили, так он приехал вот к Теть Таси на побывку, где потерял самого во время войны и был одинокий и он все хотел, чтобы мама его приняла, вместо отца. Вот он сядет, посадит нас, я вам буду помогать, я вам буду вот то-то, то-то, то-то. А мама на нас посмотрит, посмотрит, вроде ждет, что мы, что-то скажем, а потом говорит: «Нет». И так она его не приняла. А вот пиджак, папин полушубок, такой вот раньше носили, черные полушубки, м-м, теплый, а внизу мех овечий был, вот такой, настоящий и вот этот костюм который прислали, она ему, конечно, отдала. Он не хотел брать и все, но потом все-таки взял, но он взял, может быть и нуждался в этом, потому что один был, но все-таки эта память осталась. Но мама замуж не вышла и, м-м, в детский дом нас не отдала, хотя много раз приезжали инспектора, ее уговаривали, Наталья Алексеевна, ну очень тяжело, там они будут обуты, одеты, накормлены, ну хотя бы двоих, отдайте, а мама говорит: «Нет, пока я жива, я никуда, никому своих детей не отдам».

В.: Скажите, а ваша девичья фамилия?

О.: Это моя девичья фамилия.

В.: Девичья?

О.: Я выходила замуж, муж умер у меня в девяносто шестом году, Марнен его была фамилия. Мы с ним зарегистрировались, но я оставила свою фамилию, потому что я не могла расстаться.

В.: А у Вас братья были?

О.: Нет, все девочки.

В.: Все девочки.

О.: Все девочки.

В.: Поэтому вы продолжательница фамилии?

О.: Да-да, все девочки, поэтому я, вот, достойно ношу фамилию отца и не могу, как говорится, это самое.

В.: А скажите, а в школе пока учились, еще война с Советским Союзом не началась, что-то рассказывали про Польшу, Францию.

О.: Ничего. Ничего. Вот я, что характерно, вот сейчас вспоминаю и, э-э, ну вот как-то, э-э, не было постановки, вот такого вот вопроса как сейчас, вот, патриотическое воспитание, и так далее, ничего подобного. Вот единственное, что помню, Сергей Михайлович Агеев, директор школы, пришел с фронта уже, я уже училась в десятом классе. И вот он нас тренировал, чтобы мы наизусть выучили гимн Советского Союза, он сам играл на пианино, и вот, значит, собирал нас, чтоб мы под пианино пели гимн Советского Союза. Поэтому торжественные любые собрания и так далее, он же, как фронтовик, и там далее, вот начинал с гимна Советского Союза. Мы чуть ли не по команде смирно стояли. Вот такая преданность была. Именно Сергей Михайлович, вот так, мы его очень любили. И он первый год, я потом осталась в этой школе работать, приходил на работу в кители и значит, э-э, в галифе, у него и сапоги хромовые, и мы его уважали, как говорится, для нас был это образец. Вот так вот. Ну потом когда я стала работать старшей пионервожатой, конечно, я узнал, что такая есть Лиза Чайкина, Зоя Космодемьянская, это нас номер один были герои партизаны, но все равно вот не чувствовалось до конца вот той, как говорится, ответственности, того героического подвига, который вот, осуществляли таки, вот, м-м, эти молодые люди в годы Великой Отечественной войны. Так, м-м, вот, м-м, сколько много стихотворений знала о Зое Космодемьянской. И когда начинаешь где-то на сцене рассказывать, смотришь, кто-то там хлюпает, кто-то там, это самое и все. А вот стоишь и, ну, расскажешь, потому что надо читать и так далее. И только потом, когда я стала работать в детском доме, я прочувствовала, что такое война, по-настоящему, что такое, как говорится, дети сироты. У них было все, абсолютно все. Их четыре раза кормили, и, причем кормили очень хорошо, мы такого дома, во время войны и после войны не ели, потому что мы совершенно по другому питались, другой образ жизни. Они были обуты, одеты с ног до головы. И причем одежда была стильная, красивая, если школьная форма, то она кашемировая, с белыми воротничками, как говорится, такая; если пальто – то пальто и все..., а у нас пальто: мама из чего-нибудь перешьет или где-нибудь выменяет нам еще что-нибудь, это, вот, свое детство, это, то есть хочу сказать, что у них все было, но не было родителей.

В.: А детки разные были?

О.: Разные, разные. Были, м-м, которые понимали, что они понимали, что они находятся в детском доме. Надо вести себя достойно и так далее. А некоторые ребята, вот, все у них было, все, но ночью по огородам лазали, знаете, вот, говорят, а детдомовцы. А действительно, ночью на огороды ползут. Как они выходили? Иногда, как говорится, приходишь утром рано, м-м, на работу, смотришь, тишина такая в группах, смотришь, ноги грязные с под белой простыни, открываешь: «Шурка, что это такое?». Как сейчас помню вот это «Ничего». – «Тогда чего ты не спишь?» - «А вы же разбудили». Я говорю: «Я разбудила? Знаешь для чего?» - «Для чего». Я говорю: «Ноги то грязные, посмотри. Опять за огурцами лазили?» Начинает, это самое, все.

В.: А по национальности тоже разные были?

О.: Абсолютно разные. Абсолютно. Ну вот, Броня, м-м, Куприян, евреечка, конечно, хорошая, замечательная девочка, но она быстро повзрослела, очень быстро повзрослела. И она, в конце концов, закончила десять классов, потом поступила на Пермский (?) педагогический институт, мы с ней переписывались, а потом уже потеряли связь определенную. Очень хорошая девочка была, очень хорошая. Но директор детского дома, Дора Матвеевна, позабыла фамилию, она тоже фронтовичка, замуж никогда не выходила, ходила строевым шагом, м-м, ну и всех приучала к порядку, прежде всего воспитателей, петь, и так далее, с кухни начинала свой рабочий день. Все ли есть на кухне, все ли все в порядке. И так далее, а потом уже после маленькой планерки ходила по комнатам, все

встречался (?). Если кто-то на пути встречался не в форме или еще что-то, или еще что-то такое, она тут же вызывала на ковер и ее боялися, в тоже время ее уважали.

В.: Порядок был?

О.: Да. Ну, а потом из детского дома меня взяли в райком комсомола, как это обычно, потому что, м-м, детский дом, м-м, это большая школа, м-м, воспитания, м-м, там проходишь, м-м, и хорошее, и плохое, и форма работы очень разная, а, вот, не смотря на то, что это послевоенные годы, это был, м-м, пятидесятый, пятьдесят первый, пятьдесят второй год и не сколько была поставлена на высоком уровне художественная самодеятельность, что когда было торжественное собрание или еще какое-то мероприятие и иногда был концерт воспитанников детского дома номер два, собиралось полно народу, а клуб был всего-навсего на триста пятьдесят человек, на улицах, под окном как говорится...

В.: В Совете ветеранов и вас, наверное, эта тема интересует, война, оккупация, то, что было, да?

О.: Ну, конечно. Дело в том, что, вот, м-м, здесь я, в Крым приехала не по своей воле, я просто в России хорошо... м-м ну простудилась, наверное, и еще что-то я не знаю, но для меня вот эти военные годы они достались не легко. Где-то сорок третий, сорок четвертый год мама окончательно заболела и целый год она лежала в больнице: туберкулез. Да, но хорошо, она поправилась, как говорится, выпестовали ее. Мне просто пришлось бросить школу, и все, и идти работать в колхозе, лишь только для того, чтобы принести домой, вот, четыреста граммов вот этого хлеба. Потому что, ну, нет, а приходилось, зимой заготзерно было, я вам уже говорила, это, первый год мама была не королевой, но, во всяком случае, мы жили, как говорится, а потом... Очень много военных в отставке и они все политработники, я уже там, с комсомола ушла работать в райком партии пропагандистов (?), и когда пришла в обком партии в наш крымский и говорят, что очень тяжело и все. Но потом зав. кадрами Еременко посмотрел на меня и говорит, ну не расстраивайся, сколько ты еще здесь пробудешь? Я говорю, три недели. Ну, мы постараемся связаться, если у вас компрометирующих вопросов не будет, а я худенькая такая, эта самая, то мы постараемся, но только не в городе. В городе я могу вам порекомендовать библиотеку и так далее. Но на четыреста десять рублей в городе вы сегодня не проживете, а в село..., но правда, где-то через две недели приглашает, я прихожу. «Характеристика отличная на вас пришла, вот сегодня у нас пленум обкома партии, приедут секретари райкомов партии, вот заявочка есть на октябрьский райком партии, м-м, я вас познакомлю с первым секретарем, и вы решите проблему». Правда, он пригласил Василия Васильевича Пятака. Василий Васильевич симпатичный, интересный такой дядечка, посмотрел на меня и говорит: «Ну, сколько лет вы там работали». Я сказала все, ну он говорит: «Ну, хорошо». Приехали, он познакомил меня в аппарате, как говорится, все, и сразу предоставили там какое-то общежитие, и так далее, и так я осталась здесь, домой я больше не поехала. А вот ветеранскую работу я очень, когда я пошла на пенсию, на пенсию пошла в девяносто, в восемьдесят пятом году, где-то в октябре месяце, ну я должна была первого января восемьдесят пятого года уйти, но ушла позже. Во-первых, с кадрами было тяжело и подобрать то не так легко, но потом все таки подобрали и так далее. И все-таки я ушла. Мне предлагали много работ, одну, вторую, третью. Но я считаю, что именно вот тема Великая Отечественная война много не доделано, много нужно, что-то сделать. Я прекрасно понимала это и как идеолог и в тоже время, м-м, очень себя ругала, казнила за то, что я очень мало держала связь с общественностью, тогда еще ветеранских организаций не было, тогда одна из крупных таких организаций была это общество охраны памятников истории и культуры. Ну, потом в скором времени появилась еще одна общественная по борьбе с пьянством, но она меня совершенно не волновала, эта, эта, не моя, как говорится, предлагали мне школу, предлагали, м-м, дом культуры, отдел культуры, я категорически отказалась, всем, и пошла на такую вот, простую работу: ответственный секретарь общества охраны

памятников. С целью доработать то, что я не добра тала в райкоме партии, и у нас, м-м, председателем общества охраны памятников была, м-м, Татьяна Александровна, сейчас возглавляет «Черноморку»...

В.: Красикова?

О.: Красикова, да. М-м. Ну, я не скажу, что, как говорится, вроде в числе лучших (?), в о одной сидит передо мной и говорит, Людмила Сергеевна, скажите, пожалуйста, чего вы на эту работу пошли, чего не на другую работу пошли? Я что Татьяна Александровна, что я что-то плохое сделала? «Да нет. Пойдемте ко мне в Совет Министров». Я говорю: «Да нет. Татьяна Александровна, я никуда не пойду, я буду уже предана своему району, мне достаточно того, чтобы здесь делать». То есть я стала привлекать к себе актив и работать с активом руководителей, и вот в районе было несколько захоронений, кто-то известил, кто-то не известил, потом у нас был очень сильный поисковый отряд во главе с Пуляевым – учителем истории Петровской, м-м, Красногвардейской средней школы номер два.

В.: Он жив сейчас?

О.: Нет. Он умер, к сожалению. И вот вместе с ними мы установили в районе двадцать шесть воинских захоронений, установили личности, которые там захоронены. Переписка определенная велась, свидетельские показания, а потом остались после войны какие-то следы, на этих памятниках было написано. Но памятники были: камень-ракушка, как, и все вот такое и железные такие, металлические набоички покрашенные и там написано, м-м, краской какой-то определенной, со времени они выцветали и не поймешь, кто там, что там. То есть мы все это переделали, установили. Потом задачу поставили перед собой поставить все-таки памятные знаки достойные, нашим советским солдатам. Тут средства нужны, а средства нужны это, м-м, не очень-то, членские взносы в нашем распоряжении... Фамилии, имена захоронений мы везде поставили. Правда, они не в художественном таком оформлении, когда ...солдат или еще что-то такое, нет, они обыкновенный, ... мрамор. На черном мраморе высечены фамилии, кто там, захоронен и так далее, оградка. Конечно, м-м, для нас сегодня, каждый памятник закреплен за школой, и школой и советом ветеранов, вот когда я уже встала, как говорится, ветеранская организация в восемьдесят седьмом году была создана, вот сейчас, вот, в настоящее время школы, ветеранские организации, они постоянно не только по знаменательным датам, по знаменательным датам особо, конечно, все вычищают там.

Ну и тоже как говорится, м-м, взяла на себя ответственную ношу вот это все организовать по району, м-м, председательство на себя не взяла, потому что считаю, что председатель – это так, а мне нужна была конкретная работа с документами и все все все от начала. Председателем Тамбовцева избрали это.

В.: И как книга называлась?

О.: Книга памяти. А-а, избрали Тамбовцеву, которая мне заменила на посту,... а я уже стала у нее...

Сведения о том, кто погиб во время Великой Отечественной войны из живущих на территории Красногвардейского района. И мы установили где-то около трех тысяч имен, кто м-м именно погиб и не просто со слов. Все это списывали, нет, списывали с документов, похоронок, которые, как говорится, присылали. И по хозяйственным книгам, которые, м-м, сохранились в хозяйствах.

В.: Это была, извините, это были военные погибшие здесь?

О.: Да на фронте. Нет.

В.: Или мирные жители?

О.: Нет. Которые ушли на фронт и не вернулись на поле боя. А военные именно памятники, как говорится, воинские захоронения, которые здесь погибли на территории во время Великой Отечественной войны. А вы скажете: «Разве здесь убивали? Или нам еще што-то». Да. Здесь были военные аэродромы. Выполняли, как говорится, какие-то

задания. Их сбивали, от ран умирали, или просто сбивали, или при стычках. Или с Кресноперекопа привозили. Или вот здесь же были м-м, и немецкие комендатуры что-то, где-то, кого-то, выселили и так далее, это вопрос очень серьезный, м-м. Ну вот один из таких примеров, как говорится, выслали на каком основании и так далее... Обратились, м-м, вот этот концлагерь Сепалак (?) сего шестьдесят три, который находился на Петровке, м-м, это лагерь для советских военнопленных, и ваш, а немцам были нужны люди из, э-э, советских военнопленных, которые хорошо знают немецкий язык, который могли бы знать хорошо бухгалтерию и вести вот это все и разговаривать на румынском, м-м, на немецком и на русском языке, ну, вот так обратились, ну, и один Саша из Казани он Крым... казанский татарин, вызвался работать у них и вот здесь не далеко на элеваторе, там складские помещения не только зерна, но и запасов продуктов питания, вот для немцев, которые здесь, м-м, осуществляли режим, немецкий режим полностью. Не он, а к нему подошли наши подпольщики и, как говорится, связь с ним организовали, что он не поверил, что это подпольщики, а не немцы, которые его проверяют. На самом деле наши подпольщики одевались в немецкую одежду, ну, рассаживались и находили общий язык и все, потом организовывали машины, подъезжали на машинах, кричали несколько слов по немецкому, как говорится, а он им по-немецки, как говорится, кричал, и так далее, грузили, везли в крымские леса к партизанам.

В.: А что везли?

О.: Продукты питания. Начиная муку, крупы разные, то, что было у немцев: тушенка и так далее, и когда немецкий конвой, как говорится, контролировали, это самое, они не понимали, что это грузится в крымские леса и так далее.

В.: А он понял, этот Саша?

О.: Конечно, они ж ему объяснили, что то-то, то-то, то-то, то-то. И однажды один провокатор, появившийся в среде то же, наших же военнопленных, и так далее, или он позавидовал ему, или еще что-то такое, но все-таки немцам он его выдал и когда приехал полицей из комендатуры немецкой, они, конечно, его вывели на площадь, как говорится, расстреляли не до конца и полуживого повесили. Там деревья, какие акации, и он весел, вот, на гладок всем, чтобы ни кто не повторял его подвига. И только на третьи или четвертые сутки, м-м, комсомольцы села Петровка выкрали тело и потихонечку его захоронили на сельском кладбище.

В.: А кто рассказал об этом?

О.: А это рассказали очевидцы этих событий, м-м, которые, вот, это видели это все.

В.: Кто был в этом лагере?

О.: Нет, кто был, кто жил, на территории, вот этого самого.

В.: Мирных жителей тоже сгоняли, им это показывали?

О.: Ну они же, конечно, они же жили, как говорится, видели, это самое, все. И как потом мы разыскали эту могилу, разыскали эту могилу там, на кладбище есть смотрильщик, ну и старо жители и так далее. Ну и показал вот то-то, то-то, то-то, ну, а потом когда разрывали эту могилу, останки, там немецкие пуговицы и так далее, потому что одет он тоже был в немецкую форму, они его переодели, как говорится, м-м, и уже уточнили, что это Саша и после этого только поставили памятник не советскому воину, советскому солдату по имени Саша из Казани, больше ничего мы о нем не знали, ничего не могли, как говорится о нем написать, ничего познать. Вот поэтому я пошла на эту работу, а вот на ветеранскую работу... На восемьдесят седьмом году организовалась ветеранская организация и я не старалась идти на должность председателя совета ветеранов. Я всегда находилась на должности заместителя председателя совета ветеранов. Мне почему-то казалось и, наверно, это правильно, что председателем совета ветеранов должен быть участник Великой Отечественной войны, и боевых действий.

В.: Скажите, пожалуйста, тут все-таки в районе пострадали и мирные жители, вы как-то этот вопрос затрагивали в своей работе? Может быть, и какие-то захоронения знали, что здесь были, какие-то. Может быть тут проводились мероприятия? Вот нам рассказывали про кирпичный завод.

О.: Я знаю кирпичный завод, это самое, м-м, ну, вот это, как говорится, расстреливали евреев и партизан подпольщиков, вот партизаны-подпольщики, в том числе, м-м, посадили, вот руководитель, директор железной дороги вот нашей, м-м, теперь значит, Малышев потом умер, Меров руководитель подпольной организации, все они были арестованы и в Дубках расстреляны.

В.: Где это находилось?

О.: Это Симферополь.

В.: Симферополь.

О.: Симферополь. Да. А вот и расстреливали их полицаи, был создан отряд из крымских татар. Это была официальная передача. Официальные статьи такие, ну вот об этом. Но это особый статус, особый как говорится и их как говорится, карательные отряды. Их потом привлекали к ответственности и разбирались с ними. Не все же крымские татары, а просто эти карательные отряды наемники немецкие. Они везде есть и среди русских и среди украинцев вот бывает. И вот среди крымских татар были тоже такие наемники, которые служили немцам. А вот здесь вот в основном та в основном расстреливали м-м фаш... расстреливали партизан подпольщиков и евреев. Вон... им здесь уже несколько раз говорили, но еще раз хочу повторить, для меня было неожиданностью, когда узнала я... Со всех участков их сюда свозили и расстреливали, просто специально свозили для того, чтобы расстрелять.

В.: Сюда в Красногвардейск их свозили?

О.: Да, конечно в Красногвардейск.

В.: А сохранились какие-то? ...

О.: Курман-Кемельчи. Вот у меня где-то акты, один, строчки есть... Я кому-то отдала. Я первое время работала в... в областном архиве в нашем симферопольском, республиканский сейчас, раньше областной архив, работая в обществе охраны памятников среди актов о захоронении, которые раньше составлялись и отправлялись в архив, так вот там брала доверенность и сидела у них, работала с этим архивом по фактам расследования фашистских злодеяний на территории Крыма и вот несколько актов оттуда я просила с разрешения переписала в свои тетради и так далее и вот там в этом говорится, что сорок два человека расстрелянные в яме кирпичного завода.

В.: В какое время расстреливали? В каком году?

О.: Это в сорок втором году, в сорок второму году.

В.: А время года?

О.: Апрель месяц, сорок второго года и надо сказать, что мне это страшно показалось, а тут Колесник, не говорил, Николай Федорович, или нет? Мне он говорил, что именно здесь вот, м-м, когда расстреливали и их как ребята, как говорится, точно молодежь, м-м, ну, ну, немцы значит, ну, сгоняли, не сгоняли, приглашали, не приглашали, но сказали твое место там, сидите туда, идите туда, идите туда и тогда он увидел, значит, детей еврейских. Они как подбрасывали и тогда пристреливали, было ужасно. Ужасно смотреть. А второе, когда у нас от, где евреев расстреливали – это Петровка. В Петровке было несколько семей еврейских, которые не сумели эвакуироваться или некуда, или не успели или еще чего-нибудь, ну просто приходили домой и, как говорится, на участок где они, туда вот где они проживали... (?) располагался то туда ко рву подводили и потом, как говорится, просто там расстреливали.

В.: А вам приходилось встречаться с кем-то из местных жителей с Петровки, кто видел может быть?

О.: Да, вот, эта, вот Кружили на и потом Колпаков есть семья, там со многими встречалась, сейчас не помню. Колпаковы семья, вот, эта, вот, Кружилина семья, много мы актов писали все.

В.: А Колпаковы, они живы кто-нибудь?

О.: Да, живы.

В.: Адрес вы их знаете?

О.: Нужно посмотреть, это самое в книжечке.

В.: Скажите, пожалуйста, еще раз Кирпичный завод, это какие современные улицы, а то как-то спрашиваем, никто не знает. Где находился?

О.: Это улица Шевченко, улица Шевченко, конец улицы Шевченко и там, на территории находится баня и здесь же на территории не далеко сейчас находится райвоенкомат. Вот эта территория, здесь находился кирпичный завод. Там очень большие запасы глины и песка и там вот кирпичный завод и там, в основном, причем именно туда, потому что там были готовые ямы. Не нужно, как говорится рыть и все. И просто сваливали туда в яму, засыпали немножко, как говорится, землей и все, а расстреливали они до конца, расстреливали, так чтобы допустим, кто-то кричал после расстрела не, или че, нет-нет. Как говорится, нет, на это хватало сил и средств.

В.: То есть не было таких случаев, чтобы кто-то оставался в живых?

О.: Конечно, конечно.

В.: А скажите, вот проводились потом, какие-нибудь поисковые работы на этих местах захоронений, находили что-то?

О.: Ну тут вот, я может, сама в этом виновата, но как говорится, когда начала уже сама заниматься этой, этой, вот этой работой, то там уже была построена баня и военкомат и мне было тяжело, что-то провести и так далее, на это средства нету, чтобы допустим сейчас вызвать (?) баню или допустим территорию райвоенкомата.

В.: Вот может быть, когда строили котлованы, рыли под строительство? Нет никаких актов?

О.: Нет ни каких актов, нет ничего абсолютно, так сложилось ... (?), в обществе охраны памятников. Совете Министров, когда-то работала Людмила Ветковская, или как-то, наподобие этого, мне кажется так, так ее фамилия. Она, в общем-то, долго занималась этими вопросами и приезжала сюда. Мы с ней вместе везде ходили, вот там по тем местам, как говорится, смотрели, до чего можно было прицепиться. Но может быть где-то, что-то найти, еще что-нибудь. Но нет, ничего мы не нашли, если только сносить, но кто нам разрешит сносить. И там еще что-то, но водили туда наших местных жителей, вот Котова еще Зина есть... Вы с этой с Любовью Николаевской Якимченко разговаривали, значит есть Котова такая тетя Зина. Она здесь спокон веков живет и даже знает, сколько она банок сгущенки собрала, когда немцы уходили. Все грабили там, все. Она обычно, когда собираем встречу, как говорится, с ветеранами, и чувство такое особенное, на День Победы, перед Днем Победы, она школьникам и людям, которые приходят, рассказывает. А вот не нашли вот, чтоб можно было что-то сделать. Еще расстреливали они людей, м-м, тоже, м-м, коммунисты, неповинных, опять даже не уточнили, кто они. В селе Ленинское здесь есть, за Октябрьским село Ленинское. Ну и вот там рассказывали, что они расстреливали и сбрасывали в колодец. А колодец, показали нам какой, колодец, ну сыскали и все этот колодец туда несколько человек людей, все. Но там, как говорится, уже время, поздно. Было, видимо, не костей ничего. Все уже разложилось, ничего от туда не вытащили, а потом вытащили, м-м, что-то такие какие-то остатки и так далее, но не поймешь, кто это, что это и их эти остатки захоронили вот вместе с советскими воинами в канаве, просто прикопали туда и, м-м, положили туда, больше ничего, а кого, что это надо определить, вот. Моего мужа отверзли туда-то, туда-то, он не вернулся, видно расстреляли, видно еще что-то. Ну, видно расстреляли, ну что сделаешь, это дело такое.

В.: А скажите, еще вот такой вопрос. Вы работали в архивах, не встречались ли вам документы, какие-то может быть приказы, распоряжения по поводу эвакуации людей отсюда?

О.: Нет. Я работала с архивами послевоенных лет, ну, когда уже немцы ушли, архивы которые составляли наши, райисполком, как говорится, райком, вот уже начиная сорок пятый, сорок шестой, сорок седьмой, сорок восьмой, расследует это, фашистские злодеяния, там есть специальный, как говорится, такая полка, о фашистских злодеяниях на территории допустим Тельманского района или там Октябрьского района, да и Байбармакского (?) района.

В.: А довоенное и военное...

О.: Я не знаю, я не знаю.

В.: А скажите, не попадались, может быть как-то там, в документах, расследующих эти фашистские злодеяния, может быть приказы немецкие?

О.: Нет.

В.: Не было? А еще такой вопрос: вы говорите, в районе Петровки расстреливали?

О.: Да, в районе Петровки, во рву. Всех евреев, которые проживали в районе Петровки, их там расстреливали.

В.: А сколько приблизительно человек?

О.: Ну, вот то, что фамилии уточнили, на возле, на памятнике написанные, мать, отец и все, три человека, вот их расстреляли за то, что они евреи, а другие расстрелянные никто мне не сказал фамилии, и поэтому, м-м, не могу сказать.

В.: А это место до тех пор есть, существует. Там какой-то адрес, может быть улица где-то, где ров находился?

О.: Да, сейчас там, вот, м-м, построен уже, раньше были коровники, ... (?), сейчас там построен большущий гараж и строят. Большие останки, которые, как говорится, были там. При строительстве все были выкопаны и перезахоронили, это уже в мою бытность, перезахоронили на сельское кладбище Петровки и там поставили памятник... мирным жителям, погибшим в годы Великой Отечественной войны, все останки там.

В.: А вы, я так понимаю, беседовали и с очевидцами тех событий, да?

О.: Да, да, да.

В.: А фамилии еще какие-то можете назвать? Может быть, кто-то сейчас из них, их в живых нет?

О.: Ну, я сейчас уже не помню, нужно вернуться к архивным документам, вот я спрошу сейчас Колпаковых.